

НАРУШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ В 1930-е гг. КАК РЕЗУЛЬТАТ СОВЕТСКОЙ АГИТАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Латышев Кирилл Алексеевич

аспирант кафедры истории России учреждения образования
«Белорусский государственный университет»

В статье анализируется советская агитационная политика 1920–1930 гг. в отношении старообрядцев. Автор, сопоставляя реализацию политики со спецификой старообрядческой общины, характеризует эффективность действий властей. В качестве одного из существенных результатов политики определяется нарушение исторической преемственности, даётся оценка данного факта.

Изучение истории реализации советской антирелигиозной политики является важным элементом изучения истории СССР ввиду большого значения изменений, которые принесла данная политика на жизнь общества. Особое значение конфессиональная политика оказывала на последователей религиозных течений, ввиду более высокого значения религии в их жизни. Старообрядцы по своей структуре являются этноконфессиональным обществом, которое основывалось на религиозной картине мира своих членов, а также на сплочённости общины, сформированной в условиях постоянного давления со стороны государства. Именно опыт длительного сопротивления старообрядцев давлению со стороны официальных властей (в период существования Российской империи) значительно повышает значимость изучения истории старообрядчества в «советский» период, особенно в 1920–1930-е гг., когда происходило становление и развитие советской антирелигиозной политики.

Одним из ключевых условий существования старообрядческой общины являлось активное формирование у молодого поколения старообрядцев определённой исторической памяти. Конструкт исторической памяти имеет повышенное значение в ситуациях, в которых ввиду определённых событий (объективных или субъективных) происходит утрата традиций, связывающих тем или иным образом социальную группу. Историческая память формируется в условиях исторической преемственности, когда определённые взгляды и нормы «отцов» разделяют «сыновья», а с нарушением данной нормы происходит объективный развал этнорелигиозной группы.

Говоря об исторической памяти, мы отметим идею И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, которые термин «политика памяти» определяют как «функцию власти, определяющей, как следует представлять прошлое» [1, с. 198]. В контексте нашей статьи будет использоваться данная трактовка понятия «историческая память». Выделим, что под «властью» в данном определении мы понимаем не советское государство, а непосредственно старообрядческую общину, механизм её самоорганизации и самоуправления.

Рассматривая историю старообрядчества, важно обозначить общую закрытость старообрядческих общин. Степень закрытости от внешнего общества в различных течениях и толках отличалась. В одних общинах регулировались любые вопросы взаимодействия не только с «никонианцами» (так старообрядцы определяли православных) или атеистами, но и со старообрядцами других религиозных толков (к примеру – подобное наблюдалось у части сибирских «кержаков»).

Следует понимать, что старообрядчество прошло длительный этап подверженности гонениям с момента своего появления (в результате непринятия реформ патриарха Никона в 1660-х гг.) до 1905 г., именовались «раскольниками» и преследовались как церковными, так и светскими властями в Российской империи. В результате столь длительного процесса преследования у старообрядцев сформировалась не просто «самодостаточность общины», но полноценное

самоопределение, самоидентификация, основанная на восприятии объективной реальности через призму религиозного мировосприятия. Большую роль в данном изменении имела семья.

И.В. Куприянова в статье «Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта» [2] на примере старообрядцев Алтайского края подробно рассматривала вопрос значимости семьи. Мы считаем важным внимание автора к функциям семьи, в частности – «семья наряду с общиной формировала устойчивую к внешним воздействиям среду... Только находясь среди единомышленников, они могли противостоять разрушительному воздействию окружающей их, как правило, неблагоприятной, и даже враждебной внешней среды...» [2, с. 327]. Внутри семьи существовало строгое патриархальное подчинение, которое, по замечанию И.В. Куприяновой, любопытным образом трансформировалось в достаточную свободу женщин внутри семьи и общины. Старший мужчина в определённых ситуациях выполнял и функции священнослужителя, что позволяло придерживаться принятой идеологической позиции даже в ситуации отсутствия священнослужителя в составе общины (ситуация, характерная для 1930-х гг.). Интересно, что постулаты, формируемые семьёй в старообрядческом обществе существовали и после распада общества. Обратимся к характеристике гражданского брака. И.В. Куприянова приводит следующие воспоминания: «Многие пожилые кержаки говорят, что они «замуж не выходили, а только расписались в сельсовете» [2, с. 328].

Говоря о советской конфессиональной политике, необходимо чёткое выделение этапов. Мы считаем наиболее верным подход А.В. Кострова, который выделял 2 периода: 1922–1928 гг. и 1929–1939 гг. Принципиальной разницей является подход к существу антирелигиозной политики. Первый период он характеризует: «Конфессиональная политика правительства была направлена на относительно мягкое выдавливание религии из всех сфер жизни общества» [3, с. 259], тогда как второй период был характерен преследованием верующих. В первый период основным методом антирелигиозной деятельности являлась агитация, во второй – многогранная репрессивная политика. Антирелигиозная агитация в подобном вопросе имеет две трактовки – как «комплекс действий советской власти, направленных на борьбу непосредственно с религией» [4, с. 90] и как «социально-политическая деятельность, направленная на замещение элементов религиозного мировоззрения социальными нормами» [4, с. 90]. Мы считаем, что в отношении старообрядчества в 1920-е гг. реализовывался в первую очередь второй вариант трактовки антирелигиозной агитации. Многие исследователи, рассматривая конкретные атеистические действия советской власти, указывают на их неэффективность. Однако в данной ситуации необходимо рассматривать в качестве серьёзного достижения сам факт участия старообрядцев в подобных инициативах со стороны советского государства. В данном контексте показательным является статистика, приводимая М.В. Кочергиной: «В посаде Климов на период 1925 г. проживало 6 тыс. человек, из которых 92% составляли старообрядцы. 60% посетителей кинотеатра приходилось на старообрядческую молодежь» [5]. Посещение кинотеатра также являлось нарушением строгих внутренних норм, а целостность старообрядческого общества строилась непосредственно на максимально строгом детальном выполнении норм, правил и законов общины.

Несмотря на утверждения о неэффективности антирелигиозной агитации, период 1930-х гг. однозначно показал, что молодёжь в массе своей отходила от верований предков. Этот факт имеет отражение в протоколах закрытия храмов старообрядческих общин. Большинство исследователей констатируют: воцерковлённых старообрядцев стало значительно меньше. Молодёжь массово прекращала посещать храмы, нарушался принцип восприятия реальности через религиозное познание. В результате мы наблюдаем ситуацию, в которой молодое поколение старообрядцев находилось в другой социальной среде – они получали государственное образование и фактически лишались исторической памяти своей этноконфессиональной группы в результате нарушения исторической преемственности.

Мы считаем, именно данный факт, т.е. разрушение бази-са, на котором строилось старообрядческая община (принятие своего прошлого в качестве члена общины), оказал решающую роль в разрушении системы существования старообрядческих общин на территории СССР. Р.М. Рогинский утверждал, что к началу 1940-х гг. на территории БССР отсутствовали действующие старообрядческие общины. А.В. Костров рассматривая территорию Байкальской Сибири, констатировал закрытие всех старообрядческих храмов к тому же периоду. Семья – главный оплот старообрядчества – лишилась гегемонии на обучение и воспитание. Есть тенденция рассматривать практически полную ликвидацию старообрядчества как результат репрессивной политики, однако, принимая во внимание длительное сопротивление старообрядцев аналогичным действиям в период существования Российской империи, мы считаем более важным фактором – нарушение исторической преемственности, в результате чего старообрядческие общины пали «изнутри», а не были уничтожены государством.

Список использованной литературы

1. Савельева, И. М. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // И. М. Савельева, А. В. Полетаев / Феномен прошлого. – М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2005. – С. 170–220.
2. Куприянова, И. В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта / И. В. Куприянова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 326–330.
3. Костров, А. В. Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.) / А. В. Костров. – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2010. – 443 с.
4. Латышев, К. А. Ключевые аспекты конфессиональной политики Советского государства в отношении старообрядчества (1922–1929) в современной российской светской историографии / К. А. Латышев // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2020. – № 1. – С. 85–94.
5. Кочергина, М. В. Конфискация имущества, лишение избирательных прав и репрессии советской власти против старообрядцев Стародубья и Ветки в 1920–1940 гг. / М. В. Кочергина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета [Электронный ресурс]. – 2019. – № 1. – Режим доступа: <https://api-mag.kursk.su.ru/media/pdf/054-009.pdf>.